

Принцип автономности арбитражного соглашения и последствия для него в случае признания договора, в который включено такое соглашение, недействительным (ничтожным)

Научный руководитель – Карелина Светлана Александровна

Осокин Александр Владиславович

Студент (магистр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Юридический факультет, Кафедра предпринимательского права, Москва, Россия

E-mail: osokin2001@yandex.ru

Ключевую идею доктрины материальной автономности арбитражного соглашения можно передать в одном весьма лаконичном предложении: «Арбитражная оговорка не разделяет судьбу договора, в который она включена или к которому она относится»[1]. Метафоричная форма характеристики ведет к самым разным интерпретациям степени независимости арбитражной оговорки. Наша цель — передать идею наиболее точным образом, поэтому мы начнем исследование с анализа эффектов применения принципа.

Из материальной автономности обычно выводят прямые и косвенные следствия[2]. Первая группа характеризует объем теории, вторая же уточняет ее границы: показывает, чем материальная автономность не является.

Первое прямое следствие, безусловно, является главным во всей теории. Обычно оно формулируется так: действительность арбитражной оговорки не зависит от действительности основного договора и *vice versa*. Это определение не совсем корректно по нескольким причинам. Во-первых, оно охватывает лишь небольшую часть теории. Правило применимо, не только если основной договор недействителен, но и если утверждается, что договор никогда не существовал, был расторгнут или что обязательство из основного договора было прекращено, в том числе вследствие невозможности исполнения[3].

Во-вторых, императивный характер предписания о действительности арбитражной оговорки ведет к смешению теории автономности и принципа валидности. Уточнение Яна Полссона позволяет нивелировать этот недостаток: «Арбитражная оговорка может быть действительна независимо от остального договора»[4]. Из определения следует, что действительность арбитражной оговорки не связана с основным договором, вместе с тем подчеркивается, что оговорка иногда тоже недействительна. Оговорка в самом деле будет признана недействительной, однако это обусловлено именно недееспособностью лица, подписавшего договор, а не тем, что оговорка содержится в недействительном договоре. Подобная двухступенчатая логика применима в отношении любого возможного примера, поэтому включение «вероятностного» компонент в дефиницию, обусловлено необходимостью разграничения автономности и валидности, а не существованием потенциальных случаев прямой недействительности.

На основе предложенных выше суждений полезно рассмотреть дефиницию материальной автономности в Законе РФ о МКА. Формулировка п. 1 ст. 16 одновременно удачна и неудачна. Второе предложение корректно (хотя и несколько абстрактно) передает суть теории, поскольку объем независимости не определяется: «Арбитражная оговорка, являющаяся частью договора, должна трактоваться как соглашение, не зависящее от других условий договора». Третье же предложение явно ошибочно, поскольку неожиданно резко сужает сферу применения правила: «Вынесение арбитражного решения о том, что договор недействителен, само по себе не влечет за собой недействительность арбитражного соглашения».

Разумеется, можно возразить, что третье предложение не сужает объем второго, а лишь выступает в качестве примера, демонстрирующего одно из возможных следствий. Однако законодательная формулировка неизбежно наводит на мысль об ограничительном толковании, поэтому лучше было бы от нее в настоящем виде совсем отказаться. Представляется, что первое прямое следствие материальной автономности корректнее выразить следующим образом: вопрос о действительности арбитражной оговорки должен быть решен отдельно и независимо от статуса основного договора, в который оговорка включена или к которому она относится. Далее мы последовательно рассмотрим случаи, когда статус арбитражной оговорки может быть потенциально затронут: недействительность, несуществование (ничтожность), расторжение основного договора, а также прекращение обязательства из основного договора вследствие невозможности исполнения.

В прошлом возражение о недействительности было довольно распространено, сегодня же эта часть теории признана повсеместно, поэтому уже гораздо сложнее встретить попытки инвалидировать оговорку вместе с основным договором. Примером может служить хрестоматийный спор между «Джок Ойл» и В/О «Союзнефтеэкспорт». Истец требовал признать арбитражную оговорку недействительной на том основании, что при заключении основного договора не был соблюден обязательный для советских организаций порядок подписания внешнеторговых сделок. Арбитры отказали в удовлетворении этого требования, сославшись на автономность арбитражной оговорки[5].

Право состава арбитража на разрешение вопроса о своей компетенции является самостоятельным принципом международного коммерческого арбитража[6]. Вместе с тем нередко можно встретить утверждение, что принцип компетенции-компетенции вытекает из материальной автономности арбитражной оговорки. Например, авторы главного учебника по арбитражу на русском языке в качестве второго следствия принципа автономности выделяют сохранение третейским судом своей компетенции на рассмотрение спора даже в том случае, когда основной договор признается недействительным[7].

Материальная автономность и принцип компетенции-компетенции в самом деле тесно связаны, но не стоит искать между ними причинно-следственную связь. Принципы пересекаются лишь в том, что арбитры, разрешая вопрос о своей компетенции, проверяют только статус оговорки, а не всего договора[8]. В самом деле, если арбитражная оговорка была признана недействительной, то на каком основании арбитры приняли спор к своему рассмотрению? Арбитражная оговорка не имела юридической силы, значит, арбитры не могли вывести свою компетенцию из материальной автономности. Принцип компетенции-компетенции сам выступил как основание, то есть полномочие арбитров на разрешение юрисдикционного вопроса возникло независимо от договорного основания.

Поэтому доктрина материальной автономности связана со статусом арбитражного соглашения, в том время как принцип компетенции-компетенции — с юрисдикционным аспектом. Между ними отсутствует причинно-следственная связь.

Таким образом, в содержание принципа материальной автономности входит независимость оговорки от основного договора и возможность подчинения арбитражной оговорки праву, отличному от того, которым регулируется остальной договор. Косвенное следствие — принцип компетенции-компетенции — тесно связан с данной теорией, но является самостоятельной доктриной. Принцип материальной автономности получил поддержку со стороны многих юрисдикций мира вследствие прагматической (способ защиты эффективности арбитража) и теоретической (особая природа оговорки) причины.

Источники и литература

- 1) Mayer P. L'autonomie de l'arbitre international dans l'appréciation de sa propre compétence / P. Mayer. — Leiden: The Hague Academy collected courses online, 2008. P.

430.

- 2) Gaillard E. Fouchard, Gaillard, Goldman On International Commercial Arbitration / E. Gaillard. — Hague: Kluwer Law International, 1999. P. 209/
- 3) Born G. International Commercial Arbitration / G. Born. — Hague: Kluwer Law International, 2021. Par. 3.03 (D).
- 4) Полссон Я. Идея арбитража / Я. Полссон. — М.: Российский институт современного арбитража, 2021. С. 97.
- 5) Решение ВТАК при ТПП СССР от 09.07.1984 г. по делу № 109/1980 - В/О «Союзнефтеэкспорт», против «Джок Ойл, Лтд» // Международный коммерческий арбитраж. 2007. № 2. С. 137, 139, 155-156.
- 6) Born G. International Commercial Arbitration / G. Born. — Hague: Kluwer Law International, 2021. Par. 7.02 (E).
- 7) Международный коммерческий арбитраж: Учебник / Т.А. Лунаева, С.А. Абесадзе, Т.К. Андреева, В.Н. 50 Ануров. М.: Статут, 2018. Пар. 7.7.3.
- 8) Scherer M. Arbitrating under the 2020 LCIA Rules: A User's Guide / M. Scherer. — Netherlands: Kluwer Law 51 International, 2021. P. 89.